

— Я часто жалею, что в детстве слишком тебя баловала, — начал Цзи Хунчэнь. — Из-за этого у тебя сформировался эгоистичный характер. Ты одинаково холодна и к своим родителям, и к собственной дочери. Ты считаешь, что Лэяо разговаривает с тобой неподобающим тоном, но задумывалась ли ты когда-нибудь о причинах? Неужели ты правда не понимаешь, в чем корень ее слов?

Высказавшись, Цзи Хунчэнь устало прикрыл глаза. Он махнул рукой, давая понять, что Цзи Жун может идти. Оставшись в кабинете, он долго сидел в тишине, размышляя о том, что нынешние отношения в семье стали такими лишь после того, как его дочь решила выйти замуж за родного дядю Линь Лэяо — брата своего покойного мужа.

Тем временем Линь Лэяо, вернувшись в спальню, долго смотрела в одну точку. Внизу она спросила мать, не потому ли та равнодушна к занятиям Линь Чжипэй живописью, что та ей не родная. На самом деле Лэяо знала: Цзи Жун вовсе не равнодушна, напротив — она души не чает в своей падчерице.

Все эти годы Цзи Жун из кожи вон лезла, чтобы доказать, что любит приемную дочь как родную. Она поддерживала любое начинание Линь Чжипэй и прокладывала ей путь в жизнь. Когда та в девятом классе увлеклась искусством, Цзи Жун, воспользовавшись влиянием своего отца, добилась, чтобы известный мастер масляной живописи взял девочку в ученицы. А чтобы привить ей вкус, каждое лето возила ее по всему миру на лучшие художественные выставки.

Окружающие восхищались самоотверженностью Цзи Жун, называя ее идеальной мачехой. В соцсетях подобные истории неизменно становились образцами человеческой доброты, и никто не задумывался, каково в этой ситуации родной дочери. Цзи Жун действительно была беспристрастна лишь на словах: покупая подарки, она всегда брала две одинаковые вещи, но в остальном ее снисходительность к Линь Чжипэй постепенно превратилась в явное предпочтение.

У Линь Чжипэй были и родной отец, и родная мать, а теперь еще и любящая мачеха. А у Линь Лэяо отца не стало, и та любовь, которая принадлежала ей одной, теперь делилась с чужим человеком. В детстве Лэяо это очень ранило: если обе девочки совершали проступок, Цзи Жун сурово отчитывала родную дочь, но с Линь Чжипэй всегда говорила мягко и рассудительно. Взрослые не замечали этой разницы, но для ребенка она стала огромной травмой. Именно тогда Лэяо научилась молчать и скрывать свои чувства.

Отчим Лэяо, Линь Шуцзюнь, был родным братом ее отца. После смерти мужа Цзи Жун и Линь Шуцзюнь, который к тому времени развелся с психически больной женой, поженились. Цзи Жун даже не догадывалась, сколько сплетен ходило за ее спиной. Светские дамы в лицо ей улыбались, а за глаза называли распутницей, уверяя, что она крутила роман с деверем еще при жизни мужа, и обвиняли в том, что она довела до безумия первую жену Линь Шуцзюня. Слухи доходили до детей, и когда Лэяо вернули в особняк Цзи, она, не имея друзей, постоянно подвергалась травле в частной школе для богатых детей.

Цзи Жун ничего не замечала. После повторного брака она уделяла дочери лишь половину прежнего внимания, остальное время отдавая падчерице. Она боялась, что если будет слишком

заботиться о Лэяо, то Чжипэй почувствует себя обделенной. В итоге дошло до того, что однажды Лэяо, приехав в школу, просто сбежала. Учителя подняли тревогу, и только тогда Цзи Хунчэнь, заметив неладное, перевел внучку в другое учебное заведение.

Цзи Хунчэнь был в ярости. Он приказал молодоженам съехать из особняка. Когда Цзи Жун приехала с Линь Чжипэй, чтобы забрать Лэяо, она, нежно держа падчерицу за руку, уговаривала дочь переехать к ним, чтобы девочки могли расти вместе и поддерживать друг друга. Лэяо смотрела на хрупкую Линь Чжипэй с ее вечно невинным выражением лица и вспоминала, как та равнодушно наблюдала за ее школьными мучениями. Лэяо отказалась тогда и осталась жить в особняке деда.

После того случая Цзи Хунчэнь скрыл информацию о внучке. В новой школе никто не знал, что она из семьи Цзи, а сама Лэяо никогда не посещала светских тусовок. Поэтому в высшем обществе о ней почти забыли.

Лэяо погрузилась в воспоминания, как вдруг телефон завибрировал. Пришло сообщение от Синь Ин:

— Ты уже отдыхаешь?

Сердце Лэяо, сжатое тисками прошлого, внезапно отпустило. Она набрала два слова:

— Нет.

Она смотрела на экран, размышляя. Мало кто знает, кто такая внучка Цзи Хунчэня. Почему же семья Синь сама предложила этот брак?

Восемь вечера. Офис корпорации Хуаньнин.

Большинство сотрудников уже разошлись, но Синь Ин все еще сидела за компьютером. Увидев ответ Лэяо, она на мгновение замерла. Они общались редко, и их переписка выглядела пустой.

Днем Синь Сынань заглядывал в компанию, пытаясь вывести что-то о Лэяо. Ему было любопытно, ведь Синь Ин впервые в жизни попросила его о помощи ради кого-то другого. Синь Ин знала, что так и будет, когда просила брата вмешаться, но все равно пошла на это. Вспомнив гнусные комментарии в соцсетях, она нахмурилась. Она не знала, что произошло с Лэяо за последние десять лет, но их короткая встреча в квартире показала: та стала замкнутой и молчаливой, совсем не похожей на ту жизнерадостную девочку, которую она знала раньше.

А еще Вэньвэнь... Синь Ин нахмурилась, но тут же расслабилась. Она стерла набранный текст и написала новое сообщение:

— Свободна на выходных? Давай поужинаем, а потом сходим на примерку свадебного платья.

— Хорошо, — последовал быстрый ответ.

Синь Ин коснулась экрана:

— Договорились. Отдыхай.

— Угу, спокойной ночи.

Лэяо отложила телефон. Хаос в мыслях уступил место спокойствию. Она глубоко вздохнула и направилась в ванную. Пустая страница чата начала заполняться, как и их отношения — шаг за шагом, слово за словом.

После выговора отца Цзи Жун в ярости спустилась вниз. Линь Шуцзюнь и Линь Чжипэй уже закончили ужин и ждали ее на диване. Увидев недовольное лицо матери, Чжипэй тут же вскочила:

— Мам, ты плохо себя чувствуешь? Выпей медовой воды, станет легче.

Она подала чашку, Цзи Жун сделала глоток, но лицо ее по-прежнему выражало крайнее неудовольствие. Чжипэй осторожно начала:

— Сестра повзрослела, у нее теперь свои взгляды на жизнь.

— Если она взрослая, это значит, что я перестала быть ее матерью? — рявкнула Цзи Жун. — Ей хоть восемьдесят будет, я всё равно останусь ее матерью! Она вышла из моего чрева, и я имею право ее воспитывать! — Она покосилась на послушную падчерицу и проворчала себе под нос: — Надо было сразу забрать ее к себе. Не знаю, что на нее нашло, почему она так противится. Своя дочь — и та ведет себя хуже, чем падчерица. Стыд и позор.

Чжипэй, словно не слыша этих слов, как ни в чем не бывало взглянула на телефон:

— Мам, консультант из бутика сказала, что фурнитура для той сумки пришла. Поедем посмотрим?

— Правда? — Цзи Жун мгновенно выпрямилась. Мысль о любимой сумке прогнала всё плохое настроение. — Поехали! Скорее!

— Погнали! — отозвался Линь Шуцзюнь, до этого момента не проявлявший никакого интереса к происходящему.

Лэяо, лежа в постели, листала ленту новостей. Появился новый пост от Линь Чжипэй: совместное фото с родителями у бутика. Подпись гласила: Гуляем с папой и мамой, купили маме сумочку, о которой она мечтала! Мама такая счастливая!

На фото Цзи Жун действительно сияла. Лэяо безразлично пролистнула пост и вышла из

приложения.

На следующее утро черный минивэн въехал на парковку Синхай Энтертейнмент. Когда Лэяо поднялась на нужный этаж, Сяо Янь уже ждала ее у лифта.

— Как настроение? Хейт в сети не задел? — спросила Сяо Янь по пути в кабинет.

— Пустяки. Разве могут какие-то слова на меня повлиять?

— Ты полгода не была в топах, и тут — скандал. Я боялась, что ты не выдержишь, — подшутила Сяо Янь, но тут же посерьезнела: — Сегодня Ли На вызывает тебя насчет продления контракта. Будь помягче, не иди на конфликт.

— Хорошо, — кивнула Лэяо.

Они подошли к кабинету гендиректора. Сяо Янь постучала.

— Войдите.

Лэяо вошла одна. В кабинете на диване сидела женщина средних лет с короткой стрижкой.

— Ли На, вы меня звали?

— Лэяо, присаживайся, — Ли На налила кофе, поставила его перед девушкой и села напротив.

— Знаешь, зачем я тебя позвала?

Лэяо покачала головой.

— Твой шестилетний контракт заканчивается через полгода. Я хотела узнать твои планы. Ты в компании пять лет. По условиям контракта ты не посещаешь частные вечеринки, и мы это соблюдали. Когда ты поссорилась с режиссером Лу, компания приложила все усилия, чтобы решить проблему. Но скажу честно: инвестиции в твои проекты часто поступали не от нас, а от корпорации Хуаньлин. Они настаивали именно на твоей кандидатуре. Я думала, кто-то там к тебе неравнодушен, но потом выяснила: муж единственной дочери председателя Хуаньлин носит фамилию Линь.

Ли На сменила позу:

— Однако в последние два года у Хуаньлин проблемы с финансами. Твой отец — обычный учитель, и в такой ситуации ему не до тебя. Подумай о продлении контракта. Мы разработали для тебя план развития. Но учти: условия договора будут пересмотрены.

— Ли На, я обдумаю это, — ответила Лэяо, сохраняя полное спокойствие. Методы кнута и пряника не вызывали у нее никаких эмоций.

Ли На поняла, что сейчас ничего не добьется, и махнула рукой:

— Хорошо, время еще есть. Не уходи сразу, вечером поужинаем вместе с твоим агентом.

Выйдя из кабинета, Лэяо встретила Сяо Янь.

— Ну что?

— Кнут и пряник, шантаж и подкуп, — сухо ответила Лэяо. — Сказала, что мы ужинаем с ней вечером.

— Пир в Хунмэне, — прошептала Сяо Янь.

В этот момент кто-то окликнул ее. Сяо Янь отошла к новичку, а Лэяо, не желая задерживаться, направилась к лифту, чтобы скоротать время в кафе.

— О, неужели это Яояо? Сто лет не виделись! — раздался за спиной жеманный голос.

Лэяо обернулась. Перед ней стояла Мао Синьсинь. Между ними давно была вражда.

— Что нужно? — спросила Лэяо.

Мао Синьсинь покрутила свои новые ногти:

— Ты полгода не была в офисе, я соскучилась!

Лэяо поморщилась:

— С каким тайваньским бизнесменом ты сейчас спишь? Почему разговариваешь таким приторным голосом?

Мао Синьсинь опешила, но тут же усмехнулась:

— Слышала, роль в фильме, в котором я сейчас снимаюсь, раньше предлагали тебе.

Лэяо приподняла бровь.

— И что?

— Поделом тебе, — Мао Синьсинь наслаждалась моментом. — Корчишь из себя святошу, а каково это — когда ресурсы уплывают из рук?

— Ты правда думаешь, что если роль досталась тебе, результат будет таким же, как если бы играла я? — спокойно спросила Лэяо.

— Ха! Всегда такая высокомерная, — прошипела Мао Синьсинь.

— Мао Дань, — Лэяо назвала ее настоящее имя. — Пять лет назад ты подставила меня, воспользовавшись моим именем, чтобы соблазнить Лу Гана. Из-за тебя его жена устроила скандал, и меня сняли с роли. Ты должна понимать, что я всегда буду презирать таких, как ты.

Лицо Мао Синьсинь почернело.

— И что с того? Все думают, что это ты спала с режиссером. Смотри не скатись, а то увижу, как тебя топчут в грязи, и твоя гордость испарится.

Лэяо отряхнула плечо, которого коснулась Мао Синьсинь, и холодно ответила:

— Не дожدهшься.

Двери лифта открылись, и Лэяо шагнула внутрь, оставив Мао Синьсинь позади.

В 18:40 Лэяо прибыла в ресторан.

— Наконец-то! — Сяо Янь выдохнула с облегчением. — Я уж думала, ты не придешь.

— Разве я настолько дерзкая, чтобы кинуть босса? — усмехнулась Лэяо.

— Почти.

Они вошли в зал. Там уже были Мао Синьсинь, ее агент Чэнь Ци и сценарист Куан Чэнхуа. В комнате стоял густой дым от сигарет.

— Присаживайтесь, — Ли На, не глядя на них, бросила карту на стол. — Скоро еще человек подойдет.

Куан Чэнхуа помахал Лэяо:

— Иди сюда, уступлю тебе место.

— Спасибо, Куан, я не умею играть.

Через полчаса дверь открылась. Мао Синьсинь тут же вскочила и бросилась к вошедшему:

— Вы пришли! — ее лицо расплылось в восторженной улыбке.

— Прощу прощения, что заставил ждать, — сказал мужчина лет сорока в дорогом костюме.

Ли На встала, чтобы пожать ему руку:

— Что вы, господин Цяо, мы сами только что.

Когда все расселись, гость — тайваньский бизнесмен Цяо Шаохуэй — занял почетное место во главе стола. Справа от него села Ли На, слева — Мао Синьсинь.